

Т.А. АГАПКИНА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

СИМВОЛИКА ДЕРЕВЬЕВ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН: БУЗИНА (РОД *SAMBUCUS L.*)

Abstract:

Agapkina T.A. *Tree Symbolism in Slavic Folk Culture: Elder (Sambucus L.)*

The article treats a mythopoetic concept of elder and its magical use in Slavic traditional culture. It is stated that the Slavic beliefs and rituals have many similarities with the German ones.

Ключевые слова: славянская этноботаника, фольклор, мифология, бузина.

Славянские верования и ритуалы, связанные с бузиной, на протяжении последних полутора веков не раз становились предметом научного описания и обсуждения. В этой связи важно сразу же отметить, что мифология бузины более всего развита у западных славян и украинцев (преимущественно на Карпатах), практически не выражена в Белоруссии и России, а у южных славян мифологические верования и ритуально-магические практики, связанные с бузиной, немногочисленны и порой имеют свою специфику. Поэтому не случайно, что в силу особенностей распространения этих верований наиболее активно они изучались именно в странах Западной Славии. О бузине писали П. Сobotка, Э. Мавевский, Е. Колбушовский, К. Мошинский и др.

Если внимательно взглянуть на весь корпус имеющихся сведений (описаний ритуалов и магических практик, верований, фольклорных упоминаний), зафиксированных в славянских источниках, то окажется, что в целом ряде регионов Западной Славии бузина как бы продолжает немецкие традиции. Напомним, что у немцев бузина была объектом всеобщего почитания; считалось, что у каждого дома должен расти куст бузины; ей нельзя было причинять никакого вреда (корчевать, рубить, жечь) и т.д. Бузина наделялась целым рядом защитных функций: верили, что туда, где растет куст бузины, не бьет гром; коровам не угрожают ведьмы; в тени бузины можно спать, не боясь змей, оводов; она широко использовалась в народной медицине и т.д.¹

На западе Славии бузина в целом ряде случаев также выполняла функции домашнего опекуна: она охраняла дом и скотину от всего злого, приносила в дом счастье, оберегала от пожара, эпидемий, колдовства. Словенцы, подобно немцам, считали, например,

что, обращаясь к бузине с просьбой об излечении от какой-нибудь болезни, надо, стоя под деревом, снимать шляпу².

Однако, наверное, самым важным свидетельством отношения к бузине как к благодетельному растению и одновременно основным объяснением этому является тот факт, что бузина нашла широкое применение в народной медицине западных славян и западных украинцев. При лечении чахотки, горячки, колтуна, рожи, лихорадки, зубной боли к бузине ходили и «переносили» на нее болезни. При лихорадке чехи, мораване и лужичане обращались к бузине в заговорах, которые основаны на мотивах отсылки болезни на бузину: «Beze, posílá mě Pán Bůh k tobě, abys si ty mze vzal ze mě na sebe» [Бузина, посылает меня Бог к тебе, чтобы ты взяла с меня лихорадку]³. У южных славян бузина упоминалась в формулах невозможного, которые читали при лечении лихорадки (*грозница*). В Кратово (Македония) больной отламывал молодую веточку бузины (*bazga*) и сажал ее в землю вверх ногами, говоря при этом: «Къко ће овъј бъзеу да се фане, Тъкој и мене грозница да ме фане!» [Как эта бузина примется, так и лихорадка меня схватит!]⁴.

С заговорами к бузине обращались и в случае других болезней. Подобно тому как в украинских заговорах дубу и березе предлагали побрататься с человеком, чтобы избавить ребенка от ночного плача, так в польских, при зубной боли, человек «предлагал дружбу» бузине: «Bzuniu, bzuniu, mój bratuniu, wyswatajmy się i zaprzyjaźńmy się. Ja cię strzegę od ognia palenia, a ty mnie strzeż od zębów bolenia» [Бузина, бузина, мой брат, давай посватаемся и подружмся. Я буду стеречь тебя от сожжения огнем, а ты стереги меня от зубной боли], после чего давший такое обещание не должен был ни рубить, ни сжигать бузину⁵.

Широкое использование бузины в медицине, безусловно, опирается на ее реальные целебные свойства, о которых давно и хорошо известно. Однако традиция обращения к бузине в заговорах и ее применение в лечебных ритуалах, которое мы наблюдаем у славян, особенно западных, скорее всего продолжают соответствующие немецкие традиции. Не зря исследователи называли бузину «живой аптекой немецких крестьян». Немцы ходили к бузине и читали под ней заговоры при чахотке, подагре, лихорадке, зубной боли, рожистом воспалении, глистах и др.⁶.

Сведения о почитании бузины у западных славян содержатся в некоторых ранних источниках; в частности, о ней упоминал польский проповедник-Аноним (1-я пол. XV в.), сообщая, что «служит также бузина против уроков <порчи. – Т.А. > и

чар»⁷. И действительно, бузина часто выступала в роли апотропея (ею оберегали людей и скотину от нечистой силы, моровых болезней, покойников и др.), как и многие другие деревья славянского «дендрария». Примечательно в этом лишь одно: использование бузины в функции оберега несравненно уже и слабее, нежели ее применение в народной медицине, хотя с другими деревьями и кустарниками обычно бывает наоборот: их апотропейный узус значительно шире народномедицинского.

Бузина применялась как оберег в календарных обрядах. Банатские болгары втыкали бузину (*тръмбъз*) в окна и двери в Духовские праздники, чтобы в дом не могли проникнуть духи-«ресарете» или самодивы⁸. В Закарпатье, чтобы обнаружить ведьму, которая стремится навредить человеку или скотине в канун Юрьева дня, в течение года, с одного Юрья до следующего, советовали понемногу делать каждый день борону «з бзины». На следующий год хозяин должен был поборонить ею поле, после чего к нему обязательно пришла бы местная ведьма и поклонилась ему⁹. В регионе Средска (Косово) надежным оберегом от вампиров и ходячих покойников считали сам куст бузины, который многие семьи с этой целью выращивали около своих домов¹⁰.

Отношение к бузине как к полезному и благодетельному растению, своего рода почитание бузины сосуществует с восприятием ее как кустарника демонического, связанного с хтоническим началом, нечистыми духами и т.п. вещами. И основной причиной этого, по-видимому, являются верования, которые описывают бузину как место обитания демонов. Поляки Жешовского края связывали происхождение бузины непосредственно с дьяволом: они «уверяли... что *bez* означает то же, что и *bies*. Тот первый бес, который выбрал... котловину [называемую *Bieśnik*] для обитания, посеял столько бузины, чтобы она его охраняла»¹¹. Поляки, кашубы, жители Западной Украины считали, что под бузиной, в ее корнях, а также в самом дереве живет демоническое существо (черт, *bies*, дьявол, сатана, *zle, dywo, dityko, didko* и др.).

В других регионах Польши и Украины бузину считали местом обитания домашних духов, опекунов хозяйства, таких как *du-dux, skrzat, duszki* и др. По словацкому поверью, в красной бузине живет *pikulik* – домашний дух, приносящий хозяевам деньги¹². Кашубы рассказывали, что краснолюдки (*krąśniqta*) – мелкие домашние духи-покровители – обитают в том числе в саду под бузиной и насылают сыпь на детей, которые мочатся под такими кустами¹³. Свидетельства о демонах около бузины из регионов Южной Славии единичны. Так, например, сербы говорили, что во время ее

цветения часто видят дьявола¹⁴.

Последствия подобной «локализации» демонов вокруг бузины, на или под ней были довольно разнообразными, хотя и вполне ожидаемыми.

Во-первых, бузина воспринималась как своего рода «зона контакта» с демонами и духами. В Польше (Добжинская земля) под бузиной осуществляли обмен «подминчи», подброшенного богинками или другими демоницами, на человеческое дитя: слегка побив «подминчу», родители оставляли его под кустом бузины, откуда краснолюдки забирали его и куда возвращали человеческое дитя¹⁵.

Во-вторых, связь бузины с демоническим началом и сформировавшийся вследствие этого негативный ореол растения, по-видимому, объясняют и тот факт, что за бузиной «закрепились» некоторые легендарные сюжеты, касающиеся драматических событий священной истории. Подобно осине на большей части восточнославянской территории, на западе Украины и в Польше бузина воспринималась как дерево, на котором повесился Иуда¹⁶.

Впрочем, негативные ассоциации бузины касались не только легендарных сюжетов. Ее демонический ореол, с одной стороны, и некоторые природные особенности, с другой, усиливая друг друга, провоцировали отрицательное отношение к бузине, проявляющееся в разных сферах и жанрах.

Способность бузины в естественных условиях легко дичать и быстро разрастаться, образуя целые заросли (в населенных пунктах, на кладбищах, вдоль дорог и на пустошах), на уровне верований приобретает символический смысл, и в результате бузина становится символом запустения, заброшенности. Украинцы Черниговщины полагали, что если бузина растет во дворе, значит дом в упадке или скоро опустеет: «Бузина как стане расти, дак там двор запустеу»¹⁷. В том же значении бузина упоминается в проклятиях, см. македонское: «Зова ти на огништу никнула» [Чтоб у тебя в очаге выросла бузина, т.е. чтобы опустел твой дом]¹⁸.

Причастность бузины к сфере хтонического (ср. дьявола, живущего под бузиной), возможно, проливает свет еще на две области, касающиеся мифологии бузины.

Подобно вербе, бузина связывается с водой, хотя эти верования, кажется, относятся только к южным славянам. Болгары, например, считали, что там, где растет бузина, можно рыть колодцы, так как вода недалеко¹⁹. На Балканах, в Боснии и других регионах Южной Славии ветки бузины черной, бузины красной, а

также бузину травянистую широко использовали в обрядах вызывания дождя. Ими с ног до головы укутывали ряженных персонажей «додолу» или «пеперуду», а другие участники обрядов держали в руках букетики бузины или были украшены ею.

Кроме того, бузина фигурирует в отдельных контекстах, имеющих отношение к смерти. В частности, из ее веток в Польше делали погребальные венки²⁰. Лужичане считали, что, когда упоминавшийся выше демон *božagłos* («глас божий»), обычно сидевший на ветках растущей у дома бузины, переселялся под этот куст, это предвещало близкую смерть кого-то из домочадцев²¹. Связь бузины со смертью в целом для славян нетипична, зато находит широкие параллели у немцев, где она считается деревом смерти. Веткой бузины измеряли гроб; у погонщика, который вез гроб, ветка бузины служила хлыстом; ветками бузины покрывали тело покойника; в Тироле перед гробом несли «длинный, как жизнь» крест из бузины, который затем втыкали в могилу, и т.д.²²

Почтение к этому растению, с одной стороны, и исходящая от бузины опасность, с другой, вызвали к жизни запреты корчевать, реже рубить и еще реже сжигать бузину (а также ломать ее ветки, сжигать, спать или мочиться под ней и нек. др.), запреты, имеющие поистине тотальный характер и соблюдаемые везде, где хотя бы в малой степени была выражена, проявляла себя мифология этого растения. Последствиями их нарушения становились смерть, болезни, падеж скота, реже неурожай и другие несчастья. В польском и западноукраинском фольклоре известны многочисленные былички, описывающие то, что происходит с человеком, нарушающим один из таких запретов; лейтмотивом этих быличек становится «мечь» бузины. Единственным спасением для пострадавших от бузины является возвращение срубленного, сломанного или выкорчеванного кустарника или его ветвей на прежнее место, см. в западноукраинской быличке: некий Андрий срубил бузину (*бзину*), так как собирался ставить забор: «так зараз руки стали деревом, що ни міг нічо робити. Тай казаў зараз пліт роскидати, так тогди му зараз стало лекше»²³.

Опасной близостью к нечистой силе объясняют и запрет что-либо строить на том месте, где растет бузина. В Закарпатье рассказывали о человеке, поставившем хлев там, где был куст бузины: «Он у Дашьиві поставив си господар стодолу, тей на самі середині на тоці був корч бзиновий; так уже якось припало. А він корч зрубав, як стодолу ставив. Ну, нічого. Поставили, уже все готове – аж ту ему кілька ночий раз по раз приходит щось відь вікна, уже певне не що як “той”, бодай скамінів; серед

ночи приходит, той каже: “Перекигни си столу, бо вмреш!” І зараз підь той чьис таки жінка му вмерла, і двоє дітий – звичайне: то вже нечиста справа. Тогди вінь спросив си господарів, той перекигнули столу, аж той тік поминули – той вже нічого му не робыло»²⁴.

Рассматривая мифологию и ритуальную практику, касающуюся бузины, нельзя обойти вниманием еще две сферы традиционной культуры, точнее, магии, в которых не обошлось без ее участия. Обе они стоят несколько особняком по отношению к основному корпусу верований и ритуалов.

Любовная магия. П. Сobotка писал, что в славянском песенном фольклоре бузина символизирует замужество и чувственность. У чехов и словенцев к бузине девушки обращались во время гаданий о замужестве. Вечером на святки девушка шла к бузине, трясла ее и говорила: «Тřesu, třesu bez, ozvi se mi pes, kde můj milý jest» [Трясу, трясу бузину, отзовись, пес, оттуда, где мой милый]²⁵. Словенцы считали, что в этот момент можно увидеть суженого в кусте бузины²⁶. У словаков в любовной магии использовался огонь из семи щепок бузины²⁷. Обращают на себя внимание и крайне редкие у славян ассоциации бузины с непристойным поведением. Так, чехи и словаки иногда называли потаскуху *panna z bezu*²⁸; те же мотивы встречаются в детских дразнилках: «Bába leze do bezu, já tam za ní polezu, kudy bába, tudy já, budeme tam obádvá» [Баба лезет на бузину, я полезу туда за ней, куда баба, туда и я, будем там вдвоем]²⁹.

Неслучайно, что эти немногочисленные свидетельства, сосредоточенные на самом западе славянского мира (Чехия, Моравия, Словения), находят широкие параллели в германской традиции. Согласно «Словарю немецких суеверий», распутницам ветки бузины втыкали в окна в Духов день. Бузина часто упоминается в эротических песнях. Так же, как и славяне, немецкие девушки гадали: считалось, что если девушка в Фомин день потрясет куст бузины во время благовеста, то жених появится с той стороны, откуда в этот момент залает собака. В XVI в. в процессе против ведьм в Госларе (Нижняя Саксония) упоминалось заклинание, обращенное к цветущей бузине, с помощью которого можно было завоевать любовь мужчины, и т.д.³⁰.

Вторая область, в которой проявляет себя бузина, – магия, связанная с общественными отношениями. Нам уже приходилось писать об украинских заговорах, в основе которых – упоминание о некоем преступлении, совершенном в прошлом³¹. Как правило, эти преступления восходят к событиям библейской

или культурной истории (и связаны с сюжетами об Эдипе, Иуде, Каине и Авеле и т.п.). Смысл этих заговоров состоит в том, чтобы провести аналогию между преступлениями прошлого, которые, несмотря на тяжесть содеянного, якобы завершились для их участников благополучно, и текущими событиями, которые для того, кто читает этот заговор, также должны пройти без каких-либо последствий. Например, чтобы выиграть судебный процесс, человек накануне отправлялся к кусту бузины, где один или с партнером разыгрывал такой, например, диалог: «Добридень тобі, бузино! Чи сколов брат брата? – Сколов. – Який суд судили? – Затрется, замнется, тай так минется»³².

Конечно, велик соблазн увидеть в этом и других подобных ему заговорах отражение демонической сущности бузины и связать их с дьяволом и другими демонами, которые обитают под ней. Однако едва ли это правомерно. Скорее имеет смысл указать на редкие примеры использования бузины в судебной магии, которые, возможно, свидетельствуют о каких-то глубоких, но до настоящего времени не известных нам способах ее магического применения. Так, жители Виленской губ. полагали, что, идя в суд, надо взять с собой ветку бузины, а также хлеба и соли, и тогда дело будет выиграно³³. Немецкие адвокаты, по сообщению А. Фишера, еще в XIV в. брали с собой в суд палочки из бузины – «ut vincant in causis» [для победы в делах]³⁴.

***

Мы уже упоминали, что бузина как культурный символ и инструмент магии известна славянам далеко не повсеместно. Основная область его распространения – Западная Славия и примыкающая к ней Западная Украина. Такая регионализация растительного символа в данном случае не мотивирована природными факторами (бузина растет повсеместно в зонах умеренного и субтропического климата, к которым относится большая часть территории расселения славян), что заставляет искать для ее объяснения внешние причины. Поэтому мы готовы согласиться с мнением тех исследователей (Е. Majewski, К. Moszyński), которые усматривали в славянских верованиях и ритуалах, связанных с бузиной, немецкое влияние. И действительно: многие аспекты этого растительного символа как бы продолжают соответствующие немецкие верования (это и широкое применение бузины в народной медицине, и обращенные к ней заговоры, и запреты, и любовная магия). Однако куда важнее другое: не единичные совпадения, а общая конфигурация символа: присутствие под бузиной некоего духа или

демона как причина почитательно-настороженного к ней отношения и соблюдаемых запретов; народномедицинское применение бузины, явно превосходящее ее использование в апотропеической магии, и т.д.

Вместе с тем нельзя не заметить и отличий, главное из которых состоит в том, что если в немецкой мифологии под бузиной и в ней самой обитают по преимуществу духи дерева, духи плодородия и иные благодетельные существа, то в западнославянской и западноукраинской – преимущественно дьявол и иже с ним. Такой смысловой сдвиг приводит к изменению общей оценки дерева, и бузина начинает восприниматься как источник опасности и заповедный объект, практическое использование которого сильно ограничено. Наконец, с бузиной оказываются связаны драматические сюжеты священной истории (прежде всего повешение Иуды), она ассоциируется с запустением и хтоническими силами и в результате окончательно переходит в разряд проклятых деревьев. Мы склонны думать, что именно это имел в виду К. Мошиньский, когда сравнивал бузину с осиной, полагая, что их объединяет один и тот же тип верований³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg. von H. Bächtold-Stäubli unter Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer. Berlin; Leipzig, 1927–1942. Bd 4. S. 261–275.

² Rasla je jelka do neba. Zgodbe iz našega ljudskega herbarija / Ur. Z. Šmitek, M. Kropej, R. Dapit. Radovljica, 2012. N 29.

³ *Grohmann J.V.* Aberglauben und Gebräuche aus Böhmen and Mähren. Prag; Leipzig, 1864. Bd 1. S. 181.

⁴ *Šimić S.* Narodna medicina u Kratovu // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1964. S. 351.

⁵ Archiwum Katedry Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego. A 25, Хелмское воев.

⁶ *Bartsch K.* Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg. Wien, 1880. Bd 2. S. 102, 366–367, 402; *Wislocki H.* Volksglaube und Volksbrauch der Siebenbürger Sachsen. Berlin, 1893. S. 92, 106 и т.д.

⁷ *Czernik S.* Sny i widma. Warszawa, 1971. S. 65.

⁸ *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1963. Кн. 51. С. 180.

⁹ *Франко И.* Людові віруваня на Підгір'ю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 211.

¹⁰ *Вукановић Т.* Енциклопедија народног живота, обичаја и веровања у Срба на Косову и Метохији (VI – почетак XX в.). Београд, 2001. С. 145.

- ¹¹ Kotula F. Po Rzeszowskim Podgórzu błędząc. Kraków, 1974. S. 35.
- ¹² Olejnik J. Liečivosť a magická moc niektorých krov a stromov v poverových predstavách ľudu v oblasti Vysokých Tatier // Sborník prác o tatranskom národnom parku. Bratislava, 1966. N 9. S. 198.
- ¹³ Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1969. T. 2. S. 236, 238.
- ¹⁴ Чајкановић В. Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985. С. 103.
- ¹⁵ Petrow A. Lud ziemi Dobrzyńskiej // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1878. T. 2. S. 141.
- ¹⁶ Данильченко Н. Етнографические сведения о Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1869. Вып. 1. С. 16.
- ¹⁷ Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва). С. Макишин Черниговской обл.
- ¹⁸ Тановић Ст. Урок – урочовајне у околини Ђевђелије // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1934. Књ. 9. С. 36.
- ¹⁹ Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1890. Кн. 3. С. 86.
- ²⁰ Sikora I. Świat roślinny w kulturze ludowej i folklorze literackim // Literatura Ludowa. 1983. N 2. S. 37–38.
- ²¹ Schulenburg W. von. Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin, 1882. S. 145.
- ²² Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens..., s.v. *Holunder*; Fischer A. Zwyczaże pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921. S. 346–347.
- ²³ Гнатюк В. Знадоби до української демонології. Т. 2. Вип. 1 // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 33. С. 17–18 (№ 52).
- ²⁴ Колеса Ф. Людові вірування на Підгір'ю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5. С. 89.
- ²⁵ Český lid. Praha, 1891. T. 1. S. 295.
- ²⁶ Kuret N. Praznično leto Slovencev. Celje, 1967. D. 2. S. 125–126.
- ²⁷ Olejnik J. Op.cit. S. 198.
- ²⁸ Košťál J. Čechisch-slovakisches erotisch-skatologisches Idiotikon // Anthropophyteia. 1909. Bd 6. S. 27.
- ²⁹ Erben K. Prostonárodní české písně a říkadla. Praha, 1984. S. 39.
- ³⁰ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens..., s.v. *Holunder*.
- ³¹ Агапкина Т.А. Восточнославянские заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М., 2010. С. 627–628.
- ³² Милорадович В. Украинские тайные знания и чары (Этнографический очерк) // Пошана. Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 236, Полтавская губ.
- ³³ Szukiewicz W. Wierzenia i praktyki ludowe // Wisła. 1903. T. 17, zesz. 4. S. 271.
- ³⁴ Fischer A. Op. cit. S. 347.
- ³⁵ Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. T. 2, ч. 1. Kultura materialna. Warszawa, 1967. S. 531.